

НОВЫЙ РУССКИЙ БАЗАРЪ.

И ЛЕТОСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКИЙ ЖУРНАЛЪ

ПОДПИСКА НА 1894 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

I-го изданія съ 12 картинками дамского верхн. платья и 12 листами раскрашенныхъ узоровъ:
 Безъ доставки въ С.-Петербургъ 5 р. — к.
 Съ доставкою въ С.-Петербургъ 6 " — "
 Съ пересылкою во всѣ города имперіи 7 " — "
 Съ доставк. и перес. на полгода 3 " 50 "

II-го изданія, съ 12 раскр. картинокъ модъ, 12 карт. дамск. верхн. платья, 12 л. раскр. узор. и 12 выр. выкр.:
 Безъ доставки въ С.-Петербургъ 7 р. — к.
 Съ доставкою въ С.-Петербургъ 8 " — "
 Съ пересылкою во всѣ города имперіи 9 " — "
 Съ доставк. и перес. на полгода 4 " 50 "

III-го изданія, съ 48 раскр. карт. модъ, 12 карт. дамск. верхн. платья, 12 раскр. узор. и 12 вырз. выкр.:
 Безъ доставки въ С.-Петербургъ 10 руб.
 Съ доставкою въ С.-Петербургъ 11 "
 Съ пересылкою во всѣ города имперіи 12 "
 Съ доставк. и перес. на полгода 6 "

Контора и редакція журнала „Новый Русский Базаръ“: С.-Петербургъ, Садовая, 22.

СОДЕРЖАНИЕ: Жюльетта Аданъ (съ портретомъ). — „Онъ и она“, романъ-каприччіо Н. Львова. — „Бирюзовое кольцо“, рассказъ Л. Подольскаго. — Хроника женскаго дѣла. — Мозаика. — Объявленія. — Содержаніе моднаго приложенія см. на стр. 9.

При этомъ номерѣ прилагаются: 1) для всѣхъ подписчиковъ а) картинка № 1 дамскаго верхняго платья—весеннія жакетки, б) особое модное приложеніе и 2) для подписчиковъ на II и III изданія: а) вырзная выкройка № 1 — жакетка nouvelle и б) раскрашенная картинка № 1 — маскарадные костюмы.

Жюльетта Аданъ.

Замѣчательной женщиной этой, имя которой за послѣднее время было на устахъ у всѣхъ русскихъ и у всѣхъ французовъ и которая играла немаловажную роль въ исторіи франко-русскаго сближенія, „Новороссійскій телеграфъ“ посвятилъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ обстоятельную статью, изъ которой мы заимствуемъ слѣдующее: Жюльетта Ламберъ родилась въ 1836 году. Она была два раза замужемъ. Въ первый разъ за врачомъ Ламессинъ, а во второй за Эдмондомъ Аданомъ, который въ 1870 г., во время осады Парижа, былъ короткое время полицейскимъ префектомъ столицы. Аданъ умеръ въ 1877 году сенаторомъ. Послѣ паденія второй имперіи г-жа Жюльетта Аданъ сдѣлала цѣлью своей жизни поднятіе престижа своей страны и всѣми силами способствовала укрѣпленію возродившейся Франціи. Ея салонъ сталъ своего рода умственнымъ и политическимъ центромъ: писатели, депутаты, сенаторы, министры собирались у нея; Гамбетта былъ ея постояннымъ гостемъ. Г-жа Аданъ основала послѣ смерти мужа, оставившаго ей большое состояніе, журналъ „Nouvelle Revue“, пользующійся нынѣ прочной извѣстностью.

Еще ранѣе своего вступленія на почву журналистики г-жа Аданъ была извѣстна какъ писательница; сочиненія свои она подписывала и подписываетъ своей дѣвической фамиліей „Жюльетта Ламберъ“. Этимъ же именемъ называется въ Парижѣ и улица, гдѣ въ домѣ подъ № 29 проживаетъ г-жа Аданъ.

ЖЮЛЬЕТТА АДАНЪ,
 издательница журнала „Nouvelle Revue“.
 Съ фотографіи Винченцо Бакалари, въ Римѣ, гравировалъ
 И. Хелмицкий.

Работая на пользу своей родины, г-жа Аданъ должна была обратить вниманіе на важность для Франціи русской дружбы. Она сразу своимъ быстро схватывающимъ сущность дѣла умомъ, своимъ горячимъ, восторженнымъ сердцемъ постигла смыслъ и значеніе дружбы двухъ великихъ народовъ—русскаго и французскаго. Она не остановилась передъ тѣмъ соображеніемъ, что одни ея усилія не могутъ создать желаннаго единенія Россіи и Франціи. Она сказала себѣ, что съ своей стороны она сдѣлаетъ все, что сдѣлать можетъ для достиженія цѣли. Она предприняла въ началѣ восьмидесятихъ годовъ путешествіе въ Россію. Она первая проложила тропу французской мысли къ Москвѣ, сердцу Россіи. Она видѣла Каткова, видѣла Аксакова. Словомъ и печатью съ чисто женскимъ упорствомъ Жюльетта Аданъ добивалась своего. Провидѣнію было угодно дать ей радость видѣть своими глазами вступленіе нашей эскадры въ тулонскія воды. Ей, энергичной поборницѣ франко-русской идеи, было дано поднести незабудку, символъ прочности чувствъ, посланцу русскаго Царя. Служа своей родинѣ, г-жа Аданъ сослужила большую службу нашей странѣ и европейскому міру.

Г-жа Аданъ пишетъ съ 1858 года. Между ея сочиненіями, рядомъ съ романами, встрѣчаются и философскія сочиненія. Назовемъ изъ числа ея произведеній: „Blanche de Coucy“, „Idées anti-proudhoniennes sur l'amour, les femmes et le mariage“, „La papauté“, „Le siège de Paris“, „Grecque“, „Laide“. Г-жа Аданъ была другомъ Жоржъ-Зандъ и во многомъ ея послѣдовательницей.

ОНЪ И ОНА.

Романъ-капричио Н. Львова.

Въ густомъ, глухо заросшемъ, паркѣ при лунномъ свѣтѣ сидятъ на дерновой скамейкѣ двое молодыхъ людей: онъ и она. Ему, повидимому, лѣтъ 27; ей 18.

Она — стройная блондинка съ длинными шелковистыми кудрями пепельнаго цвѣта; онъ — красивый брюнетъ съ черными какъ смоль волосами. Волосы у него вьются крупнымъ барашкомъ, короткими лоснящимися волнами, но они крѣпкіе и упрямые какъ щетина.

Онъ родился гдѣ-то въ Баваріи; она — въ Ревелѣ. Она — гувернантка; онъ — бухгалтеръ и корреспондентъ при крупномъ банкирскомъ домѣ.

Въ добавокъ считаю не лишнимъ сказать, что рассказъ мой не вымыселъ, а истинное происшествіе, случившееся очень недавно.

* * *

Оба молчали. Онъ чертилъ тросточкой какія-то цифры по песку; она, полусклонивши голову, о чемъ-то крѣпко раздумывала. Онъ изъ подлѣбья изрѣдка косился на нее.

— Ну что, Анюта, — сказалъ онъ наконецъ; — неужели ты меня только за тѣмъ и пригласила сюда, чтобы помолчать вдвоемъ? Или такъ веселѣе?

Въ голосѣ не звучало и тѣни упрека, досады или нетерпѣнія, напротивъ въ немъ слышалось полное добродушіе съ легкою примѣсью насмѣшки.

Анна встрепенулась, точно насильно освободилась отъ какого-то оцѣпѣнія, и подняла на него свои чудные, неизмѣримо глубокие, глаза, въ которыхъ тяжелой печатью таилась тайная грусть.

— Я думала о себѣ... о насъ, Эмиль!... — сказала она и слегка зардѣлась мимолетнымъ румянцемъ.

— И что же ты надумала, моя хорошая? — спросилъ онъ тѣмъ же мягкимъ, добрымъ голосомъ, но съ тою же примѣсью чуть слышнаго юмора.

Анну точно что-то кольнуло: этотъ еле слышный тонъ сарказма былъ для нея невыносимъ.

— Я заглядывала впередъ, въ нашу общую судьбу, — отвѣтила она довольно рѣзко; — взвѣшивала обоюдные шансы взаимнаго счастья и желала бы ихъ проверить съ тобою, но... боюсь, что ты... не поймешь меня...

Онъ улыбнулся.

— Какъ знать? Если не черезчуръ высоко, можетъ быть и пойму. На всякій случай, куда ни шло, рискни!

Анна на минуту снова задумалась.

— Слушай, Эмиль, — сказала она твердо; — я долго боролась, долго мучилась, долго сомнѣвалась, но долѣе бороться и сомнѣваться не могу!... Такъ или иначе надо на чемъ нибудь остановиться!

Онъ слегка нахмурилъ брови; что-то, похожее на гнѣвъ, молніей сверкнуло по его лицу, но тутъ же исчезло.

— Говори, въ чемъ дѣло, — сказалъ онъ совершенно ровнымъ и спокойнымъ голосомъ.

— Говорятъ, что истинный залогъ супружескаго счастья заключается въ противоположностяхъ характера и образа мыслей супруговъ. Если это правда, то не легко найти болѣе подходящую пару, какъ насъ съ тобою: ты реалистъ, а я идеалистка; ты во всемъ и вездѣ видишь только практическую сторону, я поэтическую; для тебя дѣсь, наприимѣръ, не болѣе какъ сельскохозяйственный продуктъ или факторъ; при чтеніи Шиллера, Гете или Гейне тебя поражаетъ какая-то неправильность языка; театръ для тебя выгодное или невыгодное предпріятіе и т. д., и т. д.... Случается даже, что ты просто доходишь до смѣшнаго, по крайнему мѣрѣ въ моихъ глазахъ... Наприимѣръ: рѣчь идетъ о садахъ, цвѣтахъ, оранжереяхъ — у тебя тотчасъ является коммерческая мысль, и съ персиковъ мы невольно пе-

реходимъ на горохъ или капусту... Все это, быть можетъ, умно, дѣльно, практично, но меня подобная положительность пугаетъ; скажу прямо — отталкиваетъ.

Онъ быстро взглянулъ на нее.

— Да, отталкиваетъ! — продолжала она съ силой, все болѣе и болѣе увлекаясь своею рѣчью; — я не умѣю цѣнить поэтовъ по правиламъ синтаксиса, а наслажденіе, доставляемое мнѣ музыкой или драмой, разнѣивать на рыночныя цѣны пѣвцовъ, пѣвицъ, хора, гардероба, декораций, бутафорскихъ принадлежностей и т. п.; глядя на Россарта, Гаазе, Зоненталя или Барнаа, я отдаюсь безусловно своему чувству и впечатлѣнію, а вовсе не спрашиваю, подобно тебѣ, что стоитъ ихъ ангажементъ и достаточно ли хорошо они играютъ за получаемую плату...

— Ну, а дальше что? — спросилъ Эмиль; — на чемъ же ты остановилась?

— Пока еще... ни на чемъ... Но я боюсь, какъ бы не вышло страшной, непоправимой ошибки. Ну что, какъ не сживемся? Ну что, если всю жизнь придется коротать въ раздорѣ и несогласіи? Если мы не поймемъ другъ друга, опротивимъ другъ другу и надолго потянемъ тяжелую безконечную цѣпь?...

Она остановилась и взглянула на него. Во взглядѣ этомъ свѣтился нѣмой, умоляющій, почти отчаянный, вопросъ. Но Эмиль продолжалъ молчать.

— Я знаю тебя не первый годъ, Эмиль; ты человѣкъ добрый, хороший, безупречно честный, а все-таки я боюсь и за тебя; и за себя... Даже порою сомнѣваюсь — любишь ли ты меня искренно, или чувство это, подогрѣтое мною же, не болѣе какъ самообольщеніе?.. Ну, я на тебя полагаюсь: ты человѣкъ критики и разсудка; скажи мнѣ прямо, откровенно — права я или нѣтъ?

— Право, не знаю, что тебѣ отвѣчать, — сказалъ онъ, тщательно водя тросточкой сложную геометрическую фигуру. — Какъ рутаться за будущее? По какимъ даннымъ судить о возможности? Гипотезы, предположенія — все это гадательно, непрочное, лишено основанія, а положительнаго ровно ничего! Вотъ ты говорила о моей практичности; ну, да: я дѣйствительно прозаикъ и не только сталъ таковымъ благодаря складу жизни, но даже родился прозаикомъ. Это у меня въ крови. Я никогда не могъ понять смысла словъ: увлеченіе, упоеніе, страсть; я допускаю фактъ, но не понимаю его. При видѣ Рейна, океана, Альпійскихъ горъ я не чувствовалъ ровно ничего, кромѣ развѣ холоднаго вѣтра, пронизывавшаго меня насквозь, до костей; съ понятіемъ о путешествіяхъ невольно связывается у меня представленіе о безсонницахъ, неудобствахъ, дороговизнѣ отелей и смертной скукѣ; картины и статуи лучшихъ художниковъ представляютъ мнѣ либо сцены изъ обыденной жизни, либо напыщенную ерунду, т. е. ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не имѣютъ для меня ровно никакой цѣны. Когда меня заставили играть на фортепіано, я принялся за инструментъ такъ же добросовѣстно, какъ и за все остальное: технику изучилъ до невѣроятія, бѣглость приобрѣлъ чуть не паровую и со щепетильностью акуратнаго нѣмца выволилъ, гдѣ было показано, и forte, и piano, и moderato, и allegro, и ritenuto, и legato, staccato, словомъ всѣ желаемые оттѣнки, но самъ при этомъ ничего не чувствовалъ, и, по словамъ знатоковъ, игралъ какъ шарманка. Ты удивляешься моей практичности — напрасно! Вѣдь не машина же я въ самомъ дѣлѣ! Надо было хоть чѣмъ нибудь замѣнить отсутствующее чувство! Ну, вотъ я и замѣнилъ его исчисленіемъ да практическимъ примѣненіемъ къ дѣлу. Я не чувствую красоты оперы, это правда, но зато могу судить хладнокровно и обстоятельно о стоимости ея постановки; я отъ роду не могъ написать въ классѣ порядочнаго сочиненія, но всегда былъ хорошимъ математикомъ и лучше всѣхъ зналъ то, что требовалось выучить наизусть. Я не сумѣю сплести двухъ стиховъ — развѣ случайно; но коммерческаго письма лучше меня никому не написать и т. д., и т. д. Что же касается до моей любви, Анюта, то ты напрасно въ ней сомнѣ-

ваешься: для человѣка, даже самаго сухаго, самаго положительнаго, существуетъ пора, когда онъ, подобно столѣтнему кактусу, которые тогда очень дороги, разъ въ жизни цвѣтетъ; это цвѣтъ юности, цвѣтъ души... Я до тебя никого не любилъ; тебя же, кажется, люблю, и, какъ бы то ни было, постараюсь сдѣлать все, что по моимъ средствамъ — а они, какъ ты знаешь, не ничтожны — можетъ доставить тебѣ требуемое счастье, которое, по моему, заключается въ тихой, скромной семейной жизни и въ исполненіи всѣхъ позволительныхъ для замужней женщины средняго сословія желаній.

Анна вскочила.

— Это все не то, не то, не то и не то! — нервно проговорила она, собираясь идти.

Эмиль всталъ.

— Ну, не то, такъ скажи что нибудь иное! Я все сказалъ, что зналъ! — отвѣтилъ онъ и подалъ ей руку коромысломъ.

Въ это время изъ глухой чащи раздалось тихое мѣрное шелканье прелюдіи соловья.

Анна замерла на мѣстѣ; Эмиль застегнулъ верхнюю пуговицу пальто и поднялъ воротникъ.

Много было звукоподражаній пѣснѣ соловья, но, вѣроятно, удачнѣе всѣхъ описаніе дѣдушки Крылова:

Защелкалъ, засвисталъ на тысячу ладовъ,
Тянулъ, переливался,
То нѣжно онъ ослабѣвалъ и томной вдаль
свирѣло раздавался,
То мелкой дробью вдругъ по рошѣ разсыпался...

Анна такъ и вливалась въ каждый звукъ, такъ и ловила каждую трель; глаза у нея такъ и блистали, на щекахъ разгорѣлся румянецъ.

И Эмиль стоялъ понуря голову и тоже какъ будто весь превратился въ слухъ.

— Чувствуешь?... — внезапно шепотомъ сорвалось у нея.

— Чувствую!... — отвѣтилъ онъ почти такъ же тихо.

Она судорожно схватила его за руки:

— Что?... что?... скажи, милый, скажи: что ты чувствуешь? — голосъ у нея дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

— Ужасно сыро: до костей пробираетъ! — сказалъ онъ, вздрогнувъ и кутаясь крѣпче въ свое пальто.

У Анны руки опустились; на глазахъ блеснули слезы.

— И... больше ничего?... ровно ничего?... — робко спросила она.

— Да какъ тебѣ сказать? чувствую, пожалуй, еще, что стаканъ горячаго пунша выпилъ бы съ удовольствіемъ.

Анна быстро взглянула на него.

— А соловей какъ тебѣ нравится?

— Хорошо, хоть и не изъ лучшихъ, а все рублика два или два съ полтиной дать можно...

— И только?...

— Чего-жъ тебѣ больше? Цѣна хорошая! Вотъ еслибы такихъ молодцовъ десятка два наловить да въ клѣтку и заняться бы разводомъ, да хоть по два рубля за самца — гешефтъ приличный!..

Анна помолчала съ минуту; наконецъ подняла голову и твердо въ упоръ взглянула ему въ лицо.

— Скажи мнѣ правду, Эмиль: ты дорожишь мною?

— Дорожу.

— Очень?

— Очень.

И онъ нѣжно поцѣловалъ ея руку. Рука дрожала отъ волненія.

— Тогда слушай, Эмиль! Въ пѣснѣ соловья кроется тайный смыслъ, понятный для каждого, у кого въ душѣ хоть капля чувства... Угадай эту мысль, найди ее, расскажи мнѣ, и я твоя, иначе...

— Иначе?... — спросилъ онъ серьезно.

— Иначе... ты свободенъ... — добавила она шепотомъ.

Эмиль подумалъ немного, крѣпко насунивъ брови. Прошелъ тяжелый для обоихъ моментъ общаго молчанія.

— Изволь! — сказалъ онъ наконецъ. — И когда тебѣ нуженъ отвѣтъ?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Однако?
— Ну, черезъ недѣлю.
— Мало!
— Такъ черезъ мѣсяцъ, — отвѣтила она, закусивъ чуть не до крови нижнюю губу.
— Быть такъ! попытаю счастья! А вѣрнѣе всего, что схвачу насморкъ. Только чуръ, Анюта: въ случаѣ надобности десять дней льготы — не забудь.

* * *

Прошло около двухъ недѣль со времени этого разговора, какъ Анна неожиданно получила письмо слѣдующаго содержания:

„дорогая Анюточка!

Кажется, сыскалъ секретъ! По крайней мѣрѣ напалъ на слѣдъ его и каждый вечеръ, чуть не до зари, сижу въ паркѣ. Вопросъ этотъ въ данную минуту началъ сильно меня интересовать, такъ что я изъ-за него отчасти манкирую службою. Работаю усердно, но успѣю ли къ сроку — не знаю.

Твой

Эмиль“.

Анна несказанно обрадовалась этому письму, хотя послѣдняя фраза ее отчасти смутила. Она искренно любила Эмиля и отъ души желала ему успѣха.

На слѣдующей недѣлѣ она получила новое письмо:

„драгоценная Нинеточка!

Дѣло быстро идетъ на ладъ и славно подвигается впередъ; но къ сроку все-таки не успѣть. Придется просить объ отсрочкѣ. Нестово роюсь въ книгахъ, какъ трудолюбивый кроль въ землѣ; по вечерамъ продолжаю слушать соловья, но ужъ не такъ усиленно и аккуратно. Главное сдѣлано. А идея твоя прелестна! Показывалъ пріятелю: тотъ въ восхищеніи; говоритъ, что берется ее пристроить; общается хороша деньги, но требуетъ 10% куртажа. Общались 7; надѣюсь — уступить.

Твой Мими“.

Анна, прочитавъ это посланіе, широко открыла глаза, но ровно ничего не поняла изъ содержанія; прочла еще три раза, а поняла и того меньше.

Дней черезъ десять получилось третье посланіе:

„возлюбленный ангелочекъ!

Свершилось! Готово! Вчера бы принесть да жалъ было упустить случай: продавалось рѣдкостное собраніе сочиненій Лямартина. Торговался, торговался, на силу за 7 руб. 30 копѣекъ серебромъ уступили. На любителя — 20 рублей; а таковой у меня есть. Сегодня же вечеромъ продамъ, а завтра буду у тебя.

Твой Мумус“.

На слѣдующій вечеръ Анна, сидя на завѣтной скамейкѣ, съ замирающимъ сердцемъ ждала добрыхъ вѣстей: она „по ошибкѣ“ переставила часы, надѣясь втихомолку, что и онъ сдѣлаетъ то же. Но онъ, авуратный до конца ногтей, явился минута въ минуту, ни раньше, ни позже разъ навсегда назначеннаго срока.

На этотъ разъ онъ шелъ какъ-то торжественно, даже отчасти важно, съ особымъ достоинствомъ, а на лицѣ играла легкая улыбка, возбуждавшая о подномъ довольствѣ самимъ собою.

— Ну, что? — съ усиленіемъ произнесла она.

Онъ улыбнулся еще довольнѣе и вытащилъ изъ-подъ пальто толстую претолстую тетрадь, мелко исписанную четкимъ, каллиграфскимъ почеркомъ, съ искусно иллюстрированнымъ посвященіемъ и недурно нарисованнымъ соловьемъ на первой страницѣ. Тетрадь была переплетена въ красный сафьянъ, тисненый золотомъ. Тетрадь эту онъ съ полупоклономъ передалъ недоумѣвающей Аннѣ.

— На, прочти! — сказалъ онъ съ чувствомъ высокаго сознанія своего достоинства.

Анна развернула тетрадь.

Это было подробное, пространное, историко-лингвистическо-трансцендентальное изслѣдованіе звуковъ пѣни соловья. Много потребовалось автору: чистого нѣмецкой усидчивости,

настойчивости, щепетильности, по вмѣстѣ съ тѣмъ и критическаго соображенія и далеко недюжиннаго знанія, чтобы составить этотъ нелѣпый, бесплодный трудъ, ни для чего не пригодный, никому ненужный, ничѣмъ не интересный, но вполнѣ достойный занять почетное мѣсто въ ряду десятковъ тысячъ „серьезныхъ“ твореній подобнаго же рода, наводняющихъ рынки для вѣщей пользы мелочныхъ, сливочныхъ, сырныхъ и колбасныхъ лавочекъ.

— И это все? — спросила она, вставая съ мѣста и отдавая ему книгу.

— О, нѣтъ, не все! — живо заговорилъ онъ; — у меня еще въ запасѣ матеріалъ на два или на три тома, — между прочимъ о миеологическомъ значеніи соловья, о роли его по теоріи Дарвина, о вырожденіи породъ, о звукоизвлеченіи въ связи съ человѣческой рѣчью и т. д., и т. д. Матеріала масса! Чѣмъ больше вникаю въ суть дѣла, тѣмъ идея моя раздается все шире и шире, какъ разливное море, а замѣтки и мысли компилируются, комбинируются, вытекаютъ одна изъ другой и не по годамъ, а по часамъ нарастаютъ горами.

Бѣдняга совершенно увлекался своею мыслью, съ которой успѣлъ и сжиться, и сродниться; она всосала и поглотила его въ себя, какъ морской песокъ поглощаетъ щепку, а между тѣмъ онъ въ упоеніи своемъ и не замѣчалъ, какъ лицо Анны покрывалось смертельною блѣдностью, и въ чудныхъ глазахъ ея заблестали горькія слезы.

— Этотъ трудъ, моя милая, — продолжалъ онъ, — трудъ кропотливый, но капитальный! Имъ я прославлю наше имя — твое и мое. Имъ я заработаю столько, что...

Тутъ онъ, внезапно взглянувъ ей въ лицо, мгновенно остановился.

— Что съ тобой? Нина, голубушка? — спросилъ онъ озабоченно.

— Вы меня не поняли! — тихо сказала она; — вы ничего, ничего не поняли!.. Прощайте!.. Она протянула ему руку.

Эмиль стоялъ, какъ ошеломленный: это „вы“, холодное, непривычное, рѣзало ему ухо и кольнуло прямо въ сердце.

— Прощайте!.. — слабо повторила она.

Онъ еще болѣе измѣнился въ лицѣ.

— Погодите!.. одну минутку!.. всего два слова!..

Онъ задыхался, но силился скрыть свое волненіе.

Эмиль быстро разстегнулъ пальто и сюртукъ и изъ боковаго кармана досталъ небольшой, но довольно вѣсительный вожаный бумажникъ.

Анна глядѣла на него во всѣ глаза.

— Я васъ не понялъ, — сказалъ онъ твердо; — что же дѣлать? видно не судьба: вы одного пошиба, а другого, ну и не поняли другъ друга. А жалъ! Три года я жилъ мыслью соединиться съ вами, три года дѣлалъ и ласкалъ эту мысль, три года думалъ и старался только о томъ, какъ бы прочнѣе обезпечить нашу будущность, какъ бы уютнѣе устроить нашу жизнь. Ну, не удалось — надо помириться съ судьбою!.. Но теперь всѣ прошлые труды мои такъ же безцѣльны, какъ безцѣльна эта книга: писалъ я ее для васъ — не годится, такъ и чортъ съ ней (онъ швырнулъ тетрадь шаговъ за тридцать въ кусты).

— Въ этомъ бумажникѣ, — продолжалъ онъ: — 4,000 рублей, все, что я потымъ и кровью скупилъ скопить для... насъ; эта вѣчная забота, быть можетъ, заѣла, даже опомлила меня... но теперь ее не станеть... Мнѣ ничего болѣе не нужно... Вы же дѣвушка молоденькая, беззащитная, безпомощная, сирота. Возьмите эти деньги: на черный день пригодятся... Возьмите ихъ на память отъ человѣка, который, какъ бы то ни было, любилъ васъ искренно, всей душой. Возьмите ихъ, Анна: это плодъ честнаго труда, предпринятаго и исполненнаго для одной васъ... Опять-таки повторяю: я васъ не понималъ и не могу понять — для этого я слишкомъ грубый матеріалистъ, но вы, Анна, вы натура идеальная, поэтичная — вамъ бы непростительно было не понять меня; а если вы мнѣ откажете, то я швырну бумажникъ вслѣдъ за книгой и въ свою очередь скажу вамъ — вы меня не поняли!..

— Нѣтъ, поняла, Эмиль! — радостно сквозь

нахлынувшія слезы съ усиленіемъ проговорила она и съ чувствомъ безавѣтной любви бросилась къ нему въ объятія.

ЭПИЛОГЪ.

Книгу въ золотомъ переплетѣ нашель тотъ самый пріятель, который желалъ получить за куртажъ 10%. Онъ ее кое-гдѣ переправилъ и передѣлалъ по своему (нельзя же иначе: надо хоть какую нибудь отсебятинку вставить для того, чтобы имѣть право написать: „мотивъ заимствованъ“), а послѣ, благословясь, выпустилъ въ свѣтъ съ прибавленіемъ нотъ, комментарій, графическихъ таблицъ, алфавитнаго и предметнаго указателя и т. д.

Эмиль ничего не зналъ о продолжѣ пріятеля и, прельщенный заглавнымъ титуломъ, купилъ книгу и принесть ее женѣ. Каково же было изумленіе обоихъ, когда они поближе разглядѣли свою покупку!

— Однако, послушай, душа моя, — сказалъ Эмиль; — за тобой нѣчто вродѣ долга!

— За мной?

— За тобой! Скажи на милость, что ты такое нашла въ пѣни этого проклятаго соловья, изъ-за котораго я чуть было не лишился тебя?

— Лишился?... напротивъ: ему ты обязанъ мною.

— Какъ такъ?

— Да такъ! Ты сказалъ мнѣ именно то, о чемъ онъ поетъ; а поетъ онъ про чистую, безавѣтную, безкорыстную любовь...

ВИРЮЗОВОЕ КОЛЬЦО.

Рассказъ Л. Подольскаго.

Кольцо это я позволю съ себя снять только послѣ моей смерти, — говорила Варя, любящая колечкомъ, которое я надѣлъ ей на палецъ, предварительно, конечно, расцѣловать бѣленькую ручку.

— Помни же свое обѣщаніе — любить меня всю жизнь, — отвѣтилъ я, вполнѣ увѣренный, что съ меня даже смѣшно брать такое обѣщаніе.

— Ты-то вотъ смотри не разлюбь меня. Всѣ мужчины обманщики! — принявъ комическую позу, воскликнула она.

Разговоръ этотъ происходилъ вечеромъ въ іюлѣ мѣсяцѣ въ тѣнистомъ паркѣ Павловска. Мы шли съ Варей подъ руку послѣ музыки. Наканунѣ я сдѣлалъ предложеніе родителямъ своей невѣсты и получилъ согласіе. Я былъ товарищемъ старшаго брата Вари и зналъ ее, когда еще она ходила въ Анненскую школу, и нерѣдко дергалъ ее за ея золотистыя косы, за что она всегда налетала на меня съ кулаками.

Въ этотъ вечеръ у родителей Вари были гости, игравшіе въ карты. Гости заигрались до четырехъ часовъ, и я, конечно, не уходилъ домой, а просидѣлъ со своей невѣстой.

Намъ позволили пойти погулять при восходѣ солнца, и такимъ образомъ я легъ спать въ шестомъ часу, а проснулся по обыкновенію въ девять, зная очень хорошо, что статья на завтрашній номеръ газеты, въ которой я работалъ, не совсѣмъ была готова. Прописавъ часа два, я побѣжалъ на желѣзную дорогу и чуть не заснулъ сидя въ вагонѣ.

Наканунѣ моя будущая теща взяла съ меня слово, что въ шесть часовъ я съѣзжу на финляндскій вокзалъ и привезу оттуда кузину Елену, которая ѣхала къ нимъ гостить. Варину кузину Елену я никогда не видывалъ и долженъ былъ узнать по карточкѣ и по шляпѣ, одинаковой со шляпой моей сестры, жившей тоже въ Павловскѣ.

День былъ до того знойный, что мостовыя прожигали ноги черезъ подошвы. Въ два часа я уже былъ въ редакціи, гдѣ прошелъ къ себѣ въ комнату и, ставъ за конторку, торопливо взялся за газеты и журналы. Въ комнатѣ я работалъ одинъ. Наклеивъ заплатъ и исписавъ длинную и узкую полосу изъ бу-

маги, я взялъ полученный номеръ толстаго журнала и сталъ просматривать его. При такой жарѣ стоять мнѣ было трудно, и я присѣлъ на диванчикъ. Солнце сѣтило на спущенныя шторы, чуть-чуть качавшіяся отъ нисколько не врывавагося въ комнату вѣтра. Я разстегнулъ жилетъ и снялъ бы скюртъкъ, еслибы не боялся, что кто нибудь изъ переводчицъ зайдетъ ко мнѣ. Статья хотя и занимала меня, но не на столько, чтобы я не думалъ о своей хорошенькой Варѣ. Я представлялъ себѣ, какъ она сидитъ теперь съ моей сестрой и, вышивая себѣ костюмъ, показываетъ ей свое бирюзовое колечко и рассказываетъ, какъ она влюбилась въ меня. Мечты эти смѣнялись заботой о пріѣздѣ кузины Елены Константиновны, тѣмъ болѣе, что машина жалобно свистнула, и поѣздъ, тяжело пыхтя, сталъ подходить къ станціи.

Изъ вагона втораго класса показалась очень стройная фигура дѣвушки въ сѣромъ платьѣ, почти такомъ же, въ какомъ была вчера Варя. Увидѣвъ шляпу сѣрую съ васильками, я прямо подошелъ къ барышнѣ, спустившей въ эту минуту такую прелестную ножку, что у меня голова помутилась, и спросилъ ее — не она ли Елена Константиновна.

Она подняла на меня глаза, и я почувствовалъ ужасъ — мурашки такъ и пробѣжали у меня по спинѣ. Все въ этой дѣвушкѣ напоминало Варю, но только все было неизмѣримо лучше. Голубые глаза ея смотрѣли мнѣ прямо въ душу; я боялся ихъ и отвернулся, хотя страстно желалъ упитаться ими.

— Позвольте мнѣ взять ваши вещи, — сказала я ей, принимая отъ нея мелкій багажъ и невольно сравнивая ея черты лица съ чертами лица Вари и находя, что невѣста моя была дурной копіей съ прекраснаго оригинала.

— Такъ васъ прислали меня встрѣтить? — тихимъ голосомъ проговорила она.

Я вслушивался въ ея мелодичный голосъ и находилъ, что лучше его ничего на свѣтѣ не могло быть.

— Не встрѣчали вы у нихъ, въ Павловскѣ, Скрипичина? — продолжала она.

Фиг. 1. Нарядное платье изъ шелковой матеріи, бархата и кружевъ.

Фиг. 2. Платье изъ моара, бархата и тюля для званныхъ обѣдовъ и вечеровъ.

— Нѣтъ.

— Значитъ онъ еще не пріѣхалъ. Это вашъ соперникъ. Онъ бредитъ Варей. Онъ познакомился съ нею у насъ.

Я проводилъ Елену Константиновну въ Пав-

Фиг. 3. Бальное платье съ длиннымъ шлейфомъ.

Фиг. 4. Суконное платье, отдѣланное аграмантомъ.

Фиг. 5. Бальное платье изъ шелковой матеріи съ кружевнымъ панье и отдѣлкой ангора.

Фиг. 6. Платье изъ сукна и моара, отдѣланное свѣтлой вставкой.

Фиг. 7—9. Модныя прически для баловъ и вечеровъ.

ловскъ. Черезъ три дня въ Павловскъ появился Скрипичинъ, фельетонистъ газеты, съ который мы были на ножкахъ. Противнѣ этой рожи ничего себѣ представить нельзя. Я безъ негодованія не могъ видѣть его уходящаго назадъ обезьяньего лба и палки съ золотымъ набалдашникомъ. Въстѣ съ ненавистью къ нему росла моя любовь къ прекрасному оригиналу дурной копѣи.

Прошли двѣ недѣли, въ продолженіе которыхъ я неотступно находился при Еленѣ Константиновнѣ, какъ Скрипичинъ неотступно находился при Варѣ.

Съ того вечера, какъ я надѣлъ бирюзовое кольцо на палецъ Вари, я двухъ словъ съ ней не сказалъ, но зналъ, что она попрежнему мнѣ вѣрна, несмотря на то, что я... поколебался.

Я не отходилъ отъ Елены Константиновны и хотя зналъ, что глаза у нея коварные и что я боюсь ихъ, но все-таки смотрѣлъ на нихъ и блаженствовалъ.

Варя должно быть замѣтила, что со мной что-то творится, потому что она стала искать моего общества и постоянно заговаривала со мною, чѣмъ страшно меня бѣсила. Я очертя голову отдался своей новой страсти и избѣгалъ старую.

Перваго августа мы сговорились пойти пѣшкомъ изъ Павловска въ Царское, пообѣдать и прѣхать вечеромъ обратно уже съ поѣздомъ. Я не поѣхалъ въ редакцію и часовъ въ десять былъ уже на мѣстѣ сборища. Ко мнѣ тотчасъ же подошла Варя. Она мнѣ показалась какой-то вялой, хотя одѣтой очень къ лицу — въ голубое платье и съ розою, припиленной къ груди.

У меня сердце екнуло, когда она взглянула на меня: въ глазахъ у нея была такая глубокая скорбь.

— Ты пойдешь съ Еленой? — тихо спросила она, и голосъ ея дрогнулъ отъ ожидаемаго удара.

— Ну, конечно, — отвѣтилъ я, отвернувшись. Она неслышными шагами отошла отъ меня, и въ этотъ день я ее болѣе не видѣлъ.

День прошелъ превесело, и кто бы могъ по-

думать, что ему суждено было кончиться такъ трагически. Послѣ обѣда мы съ Еленой Константиновной пошли въ паркъ, къ пруду, и любовались на солнечный закатъ. Прудъ покрылся багровымъ отблескомъ. Заходящее солнце было окружено кровавымъ, зловѣщимъ свѣтомъ.

— Я думала, — вдругъ сказала мнѣ Елена Константиновна: — что Скрипичинъ образумится наконецъ, но нѣтъ, онъ все болѣе и болѣе увлекается. Вонъ они съ Варей катаются на лодкѣ.

Въ это время часть нашего общества подошла къ намъ, и я незамѣтно пошелъ къ пристани. Лодка подходила все ближе и ближе. Я слишкомъ хорошо зналъ это голубое платье, шляпу съ широкими полями, розу и... бирюзовое колечко на спущенной къ водѣ рукѣ. Хотя лица Вари я не видѣлъ, но зато по лицу, дурацко-блаженному лицу Скрипичина, я угадывалъ, что она ему говорила. Онъ любилъ ее, и при видѣ этого юношеская кровь въ душѣ моей закипѣла, и я свѣту не взвидѣлъ. Неужели и она его любила? Неужели она невѣрна мнѣ — своему жениху? Одна эта мысль приводила меня въ изступленіе. Я выхватилъ револьверъ и сѣлъ въ кусты, у берега. Они проѣхали мимо меня и при-

Фиг. 10. Спина платья фиг. 13. Фиг. 11. Спина платья фиг. 12.
Фиг. 12. Визитное шелковое платье, отдѣланное вышивкой. Сюда же фиг. 11.
Фиг. 13. Платье изъ сукна и бархата съ меховой отдѣлкой для гулянья и визитовъ. Сюда же фиг. 10.